

КИТАЙ И РОССИЯ: ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОГО И ЯЗЫКОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

DOI 10.15826/izv2.2018.20.2.024
УДК 821.161.1(571.61) + 913 + 94(470:510) +
+ 316.61

О. В. Залесская
А. В. Оробий
С. П. Оробий

*Благовещенский государственный
педагогический университет*
Благовещенск, Россия

ОБРАЗ КИТАЙЦА В АМУРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (к постановке проблемы социокультурного взаимодействия в дальневосточном геополитическом и литературном пространстве)

Вся история контактов России и Китая представляет собой сложное многоуровневое поле с множеством составляющих. Несмотря на накопленный историографический материал, в этом поле масса «белых» пятен.

В данной статье в историческом контексте представлен образ китайца в амурской литературе. Необходимо отметить, что предмет исследования проявляет себя в условиях тесного межкультурного взаимодействия народов двух стран, России и Китая, контактирующих в одном геополитическом и социокультурном пространстве, но, по причине объективных различий, не проникающих друг в друга. Российско-китайское взаимодействие на приграничных территориях в силу ряда факторов следует безусловно признать феноменом в истории российско-китайских отношений.

Исследуется изображение приамурской жизни (ее социокультурная, этнографическая стороны) XIX–XX вв. в текстах дальневосточных прозаиков и публицистов. Материалом для анализа послужили как художественные, так и документальные произведения, позволяющие рассмотреть дальневосточную реальность с разных сторон. Китайские реалии в приамурской литературе воссозданы с разной степенью подробности и убедительности, однако последовательной литературной трактовки образа китайца в приамурской литературе нет — и это объясняется не только политическими, экономическими и прочими подобными факторами (это составляет предмет особого внимания), но и устройством литературного поля.

© Залесская О. В., Оробий А. В., Оробий С. П., 2018

Статья снабжена историческими комментариями, составленными с привлечением широкого круга архивных материалов и позволяющими выстроить целостную картину жизни и деятельности приграничного населения в Приамурье в условиях постоянного социокультурного взаимодействия народов двух стран — России и Китая.

Ключевые слова: амурская литература; регионалистика; международные отношения; межкультурная коммуникация; Приамурье; приграничное население; социокультурное взаимодействие.

Цитирование: *Залесская О. В., Оробий А. В., Оробий С. П.* Образ китайца в амурской литературе (к постановке проблемы социокультурного взаимодействия в дальневосточном геополитическом и литературном пространстве) // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2018. Т. 20. № 2 (175). С. 47–59.

Поступила в редакцию 30.10.2017

Принята к печати 18.04.2018

Olga V. Zaleskaya

Alena V. Orobiiy

Sergey P. Orobiiy

Blagoveshchensk State Pedagogical University

Blagoveshchensk, Russia

THE IMAGE OF THE CHINESE IN AMUR LITERATURE (Articulation of the Issue of Social and Cultural Interaction in Far Eastern Geopolitical and Literary Space)

The whole history of contacts between Russia and China is a complex multilayered field with many components. Despite the accumulated historical material, there are many blank spots in this field.

This article describes the image of the Chinese in Amur literature in the historical context. It should be noted that the subject of the research manifests itself in the conditions of close cultural interaction of the peoples of Russia and China contacting in a single geopolitical and sociocultural space, owing to some objective differences, without interpenetrating. Due to a number of factors, one should consider the Russian-Chinese cooperation in the border areas a phenomenon in the history of the Sino-Russian relations.

In the article, the authors explore the image of Amur life and its sociocultural and ethnographic side in the 19th and 20th centuries referring to texts of Far Eastern authors. The analysis relies on fictional and nonfictional works that help consider the Far Eastern reality from different sides. Amur literature reflects the Chinese reality with different degrees of detail and credibility, without providing, however, a comprehensive interpretation of the image of the Chinese, because of not only political, economic and other similar factors, which the authors pay special attention to, but because of the construction of the literary field.

The article provides historical commentaries based on a wide range of archival materials, which helps build a comprehensive picture of the life, and activities of the cross-border population in the Amur region taking into account the permanent sociocultural cooperation of the peoples of the two countries.

Key words: Far Eastern literature; regional studies; international relations; intercultural communication; Amur region; cross-border population; socio-cultural interaction.

Citation: Zaleskaya, O. V., Orobiy, A. V., & Orobiy, S. P. (2018). *Obraz kitaitsa v amurskoi literature (k postanovke problemy sotsiokul'turnogo vzaimodeistviia v dal'nevostochnom geopoliticheskom i literaturnom prostranstve)* [The Image of the Chinese in Amur Literature (Articulation of the Issue of Social and Cultural Interaction in Far Eastern Geopolitical and Literary Space)]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 20, 2 (175), 47–59.

Submitted on 30 October, 2017

Accepted on 18 April, 2018

История российско-китайских отношений чрезвычайно многогранна и многоаспектна. Взаимодействие двух стран на приграничных территориях в силу ряда факторов следует безусловно признать феноменом в истории российско-китайских отношений. Какова же феноменология?

Русско-китайская граница довольно протяженная, но велики и масштабы самой России. Поэтому в разных ее местах сложились разные образы Китая. Первый — некий общекультурный, весьма абстрактный, описываемый рядом штампов. Условно говоря, это взгляд западного, «по ту сторону Урала» жителя: древность, Конфуций, «чайна-таун». Второй — региональный, приграничный образ, который, конечно, тоже чреват культурными штампами: допустим, Китай + граница = «желтая угроза».

В аспекте заглавной проблемы особенно интересен Благовещенск как культурный тоpos — интересен, разумеется, в силу своего географического положения: город, граничащий не просто с другой страной, но и с другим типом цивилизации.

Схематически русско-китайские отношения можно представить в виде нескольких оппозиций. Очевидно, что базовой оппозицией будет дихотомия «свой — чужой». Не менее очевидно, что с точки зрения русского обывателя китаец как представитель другой цивилизации однозначно будет маркироваться как «чужой». Эту культурную установку мы наблюдаем в качестве ведущей в литературных и публицистических текстах, она будет исходной точкой наших рассуждений. При этом мы не ограничиваемся авторами с «амурской пропиской», речь пойдет о произведениях, в которых затронута тема социокультурного взаимодействия России и Китая.

Наиболее ранний по времени появления литературный материал, который мы имеем, собственно литературным можно назвать с натяжкой. Это этнографические записки — Приамурье глазами путешественников XIX столетия.

Если оценивать этот материал с точки зрения художественного типологизма и форм авторской рефлексии, то перед нами поверхностный взгляд проезжающего равнодушного любознательного путешественника. В этом ряду — книга С. Максимова, побывавшего в Приамурье после его официального присоединения к России и записавшего свои впечатления — «На Востоке: Поездка на Амур (в 1860–61 г.): дорожные заметки и воспоминания» (1864); книга Д. Стахеева «За Байкалом и на Амуре: Путевые картины» (1869), отразившая впечатления автора от путешествия по Дальнему Востоку. Иными словами, нон-фикшн, первичная обработка реальности.

Далее схема начинает усложняться. Социальные обстоятельства, условия экономического взаимодействия Приамурья таковы, что статус «чужой» в случае с китайскими жителями не мог оставаться неизменным — он усложняется в той же мере, в какой усложняется характер этих взаимодействий. Статус «чужой» разделяется на «чужой как компаньон» и «чужой как враг». «Компаньон» и «враг» — не антонимы; здесь зафиксированы два состояния, в котором китаец воспринимался в реальных условиях на всем протяжении истории. Скажем о них подробнее.

Статус «чужой как враг» получил воплощение в ряде литературно-публицистических сочинений. Например, брошюра Ю. Ельца «Амурская героиня при осаде Благовещенска китайцами» (1901), пропагандистское по замыслу и по форме повествование, стилизованное под устный монолог участницы русско-китайского конфликта 1900 г.

Весьма расплывчатым кажется статус китайца в «провинциальном романе» Станислава Рема «Простая шахматная доска» (2009). Автор решил использовать известные исторические события — восстание ихэтуаней 1900 г. — и сделать их фоном для вымышленных событий. По мысли автора, боксерское восстание в Китае стало поводом для того, чтобы «выбить» «маньчжурский клин» с территории России (что противоречило Айгуньскому договору). Осада Благовещенска, по Рему, — лишь «спектакль», позволяющий Российской империи добиться своих целей. Параллельно один из богатейших купцов города, будучи в сговоре с военным чином Индуровым и японцем Хаттори и используя «маскарад» как прикрытие, провозит в Россию контрабандой «дурман-траву» (опиум).

Опиум был одной из важных статей контрабанды. В Срединной империи существовал запрет на посев и выращивание мака, поэтому китайские подданные стали активно засевать этой культурой российские территории в приграничной полосе. В конце XIX в. выращивание опиумного мака было самым доходным занятием для китайских земледельцев Приморья. Казакам и крестьянам, в свою очередь, было чрезвычайно выгодно сдавать свои земли в аренду китайцам, выращивавшим опиумный мак. Зачастую русское население сдавало китайским подданным свои лучшие земли. В период сбора опиума под видом рабочих из-за границы массово прибывали хунхузы, и криминальная обстановка, особенно в приграничных районах, значительно ухудшалась. В контрабандной торговле опиумом участвовали пограничные чиновники, железнодорожный персонал, китайская полиция [Залесская, 2009, с. 88].

Запутанные коллизии классического ретродетektива Рема отсылают читателя к Б. Акунину, А. Чижу и пр. Главный герой Олег Белый — капитан Генерального штаба, прибывший с секретной миссией из Санкт-Петербурга, также не выходит за рамки беллетристического романа. Местный колорит описан довольно точно и подробно — вплоть до изображения архитектурных достопримечательностей Благовещенска и окрестностей. Сюжетом движет не только фантазия автора — играют свою роль множество реальных исторических фактов: обстрел пароходов «Михаил» и «Селенга», указы генерал-губернатора и т. д. Однако китайцам как литературным героям снова «не повезло» — мы можем видеть их «коллективный образ»: тонущие в Амуре мирные китайцы — жертвы, бессловесные хунхузы — обезличенные враги. Китайцам достаются эпизодические роли свидетелей в драках (Иван Вэнду, Ли), безымянных агентов. Как некая ирония звучит то, что единственный «китаец», проявляющий на страницах романа активность, оказывается японцем Хаттори. Сами китайцы называют его «чужой китаец». Отношение к нему отражает реалии того времени — все возрастающее влияние Японии на Китай.

Русско-китайский конфликт в районе Благовещенска 1900 г. стал одним из эпизодов народного восстания ихэтуаней, развернувшегося в конце XIX — начале XX в. в Китае. Сначала это выступление носило антииностранный характер, затем переросло в оппозиционное цинской династии. Руководило им тайное общество «Ихэтуань» («Отряды справедливости и мира»). Это движение началось осенью 1898 г. в провинции Шаньдун — именно на Севере ощущалось сильное влияние деятельности западных держав (строились железные дороги, сооружались церкви, разрабатывались иностранные концессии).

К весне 1900 г. ихэтуани хозяйничали в столичной провинции Чжили, достигли окрестностей Пекина и Тяньцзиня. Что касается обстановки непосредственно в провинции Хэйлунцзян, граничившей с Россией в Приамурье, то здесь главенствующая роль в разжигании приграничного конфликта принадлежала генерал-губернатору Хэйлунцзяна Шоу Шаню, подтянувшего к июлю 1900 г. к русско-китайской границе почти все свои воинские части — 36 батальонов.

1 июля 1900 г., при прохождении мимо деревни Сыдаогоу, русский пароход «Михаил», направлявшийся по Амуру из Хабаровска в Благовещенск, был обстрелян ружейными выстрелами с китайского берега. Через несколько часов был открыт огонь по кораблю «Селенга». На следующий день китайцы открыли из Сахалина артиллерийский и ружейный огонь по Благовещенску; было ранено и убито несколько жителей. Периодические обстрелы продолжались в течение 19 дней; китайцы предприняли несколько попыток форсировать Амур и перейти на российскую территорию, но их атаки были отбиты [Калюжная, с. 267–271].

После обстрела Благовещенска военным губернатором Амурской области К. Н. Грибским было дано указание выдворить китайское население с российской территории. Остававшиеся в городе китайские подданные под конвоем полиции были доставлены в район ст. Верхнеблаговещенской (где Амур наиболее узок), где конвойные погнали их в воду, заставив вплавь переправляться

на правый берег Амура. Тех, кто сопротивлялся, уничтожали. Немногие умели плавать и достигли берега. Всего в Амуре утонуло около 3 тысяч китайцев [Петров, с. 328].

Этот инцидент на границе с Россией оказал значительное влияние на дальнейшее развитие российско-китайских связей между приграничным населением. Китайские кварталы в Благовещенске опустели. Китайцы появились в Благовещенске в 1901 г., вновь за небольшую плату соглашаясь работать дворниками, плотниками, домашней прислугой [Сергеева, с. 39].

Еще одним следствием конфликта было прекращение существования анклава «зазейских маньчжур». Конфликт 1900 г. стал своеобразным мечом в ликвидации этого гордиева узла. Русскими военными соединениями была проведена зачистка зазейских маньчжурских деревень, а освободившиеся после ухода китайских подданных земли были предоставлены для заселения Амурскому казачьему войску [Залеская, 2013].

Статус китайца «чужой как враг» отражен в книге А. Кирхнера «Осада Благовещенска и взятие Айгуна» (1900). Редактор «Амурской газеты», все дни осады находившийся в городе, описывает ход событий с точки зрения безусловной поддержки действий царского правительства, видимо, настолько прямой, что, по замечанию исследователя [Урманов, 2013а, с. 181], его трактовка событий вызвала настоящее возмущение у демократической общественности города, ибо всячески затушевывала обнажившиеся в ходе конфликта проблемы.

Упомянем в этом ряду и брошюру В. Кондратьева «Современный Китай» (1908) — очень характерное для своего времени исследование русско-китайского вопроса. «В книжке, автор которой явно претендовал на всестороннее освещение вопроса и объективный подход, 8 глав, призванных показать разные грани и перспективы русско-китайских отношений: “К неизбежному столкновению двух культур”, “Внутреннее состояние государства”, “Железные дороги”, “Переселенческий вопрос”, “Армия Китая”... В предисловии автор называет причины, заставившие его взяться за перо: “Наша литература вообще не богата материалами по современным вопросам бытового характера сопредельных нам желтолицых народов <...> Значит, если мы не желаем быть застигнутыми врасплох, то должны неустанно следить за соседом и своевременно принимать необходимые меры, обеспечивающие нам наше дальневосточное владение”» [Урманов, 2013б, с. 199]. Книга Кондратьева занимает несколько особое место в ряду документальных сочинений о русско-китайских отношениях — это пример уже не публицистического отклика, но полевой аналитики.

Итак, рассмотренные нами примеры — преимущественно публицистического склада: китайские жители являются здесь ключевыми героями, однако изначально, уже в силу жанра, показаны в определенном идеологическом ракурсе. Художественных произведений, посвященных русско-китайским отношениям, на порядок меньше. Вряд ли потому, что история Приамурья не породила ярких сюжетных коллизий, — скорее, это вопрос масштаба художественного дарования авторов, заинтересовавшихся бы материалом, а еще вероятнее, вопрос сочетания

разнообразных художественных и социальных факторов. Китаец не воспринимается как литературный герой, как носитель каких-либо исключительных качеств? Или же он настолько чужой, что нельзя вжиться в его образ, описать его глазами происходящие события, даже такие очевидно интересные художнику и очевидно значимые, как летние события 1900 г.? Как бы то ни было, такой образ китайца (вернее, его многозначительное отсутствие), конечно, ближе к статусу «китаец — враг», чужой и чуждый.

В этом отношении ценным источником является коллективный роман «Амурские волки». Это произведение занимает особое место в истории амурской литературы, исследователи даже склонны называть его «литературным феноменом» [Урманов, 2011]. Будучи в художественном отношении стандартной беллетристикой, этот роман ценен именно в качестве зеркала тогдашней действительности, причем в ее низовом, криминальном ракурсе. Читатели начала XX в. ценили роман именно за «правду жизни», читатели XXI в. — за то же самое.

Стержневой сюжетной линией книги являются махинации с таежным золотом (ограбление «золотого» обоза, устранение внезапно появившихся конкурентов — хунхузов, попытки спрятать богатство, и т. д.). С этой линией связано несколько сцен, героями которых становятся китайцы. Вот благовещенские аферисты продают китайским купцам фальшивое золото — те обнаруживают обман, но уходят ни с чем (гл. 14 «Выгодная операция»). Вот безымянные хунхузы появляются на пути разбойников, отправившихся в Гиблую Падь в поисках золота, — и гибнут в перестрелке. Эти события изложены в главе с красноречивым названием «Белые и желтые волки», тем самым образы китайцев встроены в тот же заглавный метафорический ряд, что и образы амурских разбойников. При этом анонимный автор не обращает внимания на нелепость «волчьей окраски» — и позднее вновь обращается к зооморфной образности: так, разбойница Искаротова обзывает китайского слугу «желтой собакой». В главе «Старец» маньчжуры находят труп старика Хулиганова, убитого собственным сыном, и едва доказывают свою непричастность к убийству.

Криминальными эпизодами участие китайцев не ограничивается — тут описываются и коллизии иного рода. В ходе трагических событий 1900 г. местные чиновники обрекают на гибель тысячи китайцев, заставляя их вплавь добираться до правого берега реки (гл. 51 «За Амур или в Амур?») — а потом делят товары погибших (гл. 53 «Расхищение китайского наследства»).

Итак, китайцы имеют отношение к магистральному сюжету романа — поискам и продаже таежного золота. Если их фактическая роль в этом деле велика (автор замечает, что в то время золото можно было продать только китайцам), то роль художественная — незначительна (в заключительной главе бандиты рассуждают о том, что золото «продали хорошо», но сама сделка и ее подробности остаются за пределами повествования).

Роман Матюшенского и компании — один из немногих текстов, объемно показывающих бытовую жизнь Приамурья того времени. Интересны и самые мимолетные упоминания деталей китайского быта, свидетельствующие,

в частности, о том, что и сто лет назад Китай был легкодоступен для въезда — для того, чтобы покутить без свидетелей и «лишних ушей», подельники (главы «Лебедев и товарищи», «Гулянка тюремных сидельцев») решают переправиться «на китайскую сторону». И хотя «пароход только до семи часов ходит, а теперь девять» [Амурские волки, с. 363], легко можно переправиться на своей лодке, а на обратном пути «штраф заплатим по 3 рубля, толь и всего» [Там же] — что в любом случае выгодно, так как в Китае компания сильно сэкономит на «харбинке» — китайской дешевой водке.

Пересечению границы авторы романа не уделяют никакого внимания (за разговором компания и не заметила, как «лодка пристала к китайскому берегу» [Там же, с. 364] — наверняка потому, что взаимопроницаемость русско-китайской границы была делом совершенно привычным).

Фактически такие пересечения границы в районе Благовещенска были обыденным явлением. Для обеспечения удаленного от развитых центров страны края товарами первой необходимости, в регионе был введен режим «порто-франко» — свободной беспошлинной торговли. Этому способствовало подписание Пекинского договора 1860 г. и Правил для сухопутной торговли России с Китаем 1861 и 1881 гг. В частности, между русскими и китайцами в 50-верстной пограничной полосе предусматривалась свободная и беспошлинная торговля. Экономическое развитие региона постепенно обусловило переход от примитивного товарообмена между порубежными жителями к развитой приграничной торговле с солидным товарооборотом и формирование класса купцов-посредников как с русской, так и с китайской стороны. В районе Благовещенска, где ширина Амура не более 800 м, поддерживать контакты с китайским берегом не составляло труда.

Привычная для обоих народов обстановка не нарушается и на территории Китая — в ресторане с русской компанией беседует «лакей-китаец, великолепно говорящий по-русски» [Там же], подаются традиционные русские блюда — икра и прочие «закуски». И хотя «по приезде в город всю компанию Лебедева забрали в таможду и оштрафовали по 2 р. с головы», все решили, что «дешево отделались... могли бы и по синенькой взять». На этом история с незаконным пересечением границы заканчивается.

Вероятно, поэтому в Благовещенске не возникло феномена Владивостокской Миллионки (ставшей, кстати, и литературным объектом) — в силу взаимопроницаемости границы не было никакой необходимости в образовании «чайна-тауна» на амурском берегу. Детали быта описаны в романе Матюшенского похода, как нечто само собой разумеющееся — тем ярче они свидетельствуют о том, как органично сложилась низовая криминальная жизнь обоих народов — со своей субкультурой и теневой экономикой. Не подкрепленные никакими механизмами административного воздействия и в условиях отсутствия эффективной таможенной охраны, законодательные акты XIX в., устанавливавшие режим беспошлинной торговли, открыли путь контрабандному провозу товаров на российский Дальний Восток. Контрабанда на приграничных территориях быстро

приняла серьезные масштабы. Если в 1900 г. чиновниками Владивостокской таможни было выявлено 77 случаев нелегального провоза товаров на сумму в 2 606 руб., то в 1901 г. — 499 на сумму более 92 тыс. руб., а в 1902 г. — 322 случая на сумму более 19 тыс. руб. [Беляева, с. 155]. Популярной статьей контрабанды был дешевый китайский спирт — ханшин. Так, с января по июнь 1913 г. Благовещенской таможней было задержано контрабандных товаров на сумму более 47 тыс. руб., в том числе спиртных напитков — на сумму более 42 тыс. руб. [Залесская, 2009, с. 31].

Одной из самых доходных статей контрабанды (которая, в отличие от спирта, шла с российской на китайскую территорию) было золото: слишком велика была разница между заграничной и российской ценой при покупке. В 1915 г. у скупщиков золотник стоил не менее 7 руб. 50 коп., а в Государственном банке — 6 руб. 15 коп. В сентябре 1915 г. в Сахалине открылось отделение китайского банка, в операции которого входила покупка русского золота по 7 руб. 20–30 коп. за золотник. Китайцы, возвращаясь с русских приисков, передавали золото для провоза через границу русским матросам, служащим на перевозе, за плату в 20 руб. с фунта [Там же, с. 32]. Контрабандисты прятали золото в замороженной рыбе, под надрезанной кожей живой лошади, в трупах умерших и забальзамированных китайцев [Башкуева, с. 171]. При отсутствии должного контроля со стороны властей, в 1911 г. в Китай из Приамурья было незаконно переправлено 1 411 пудов 31 фунт золота, в 1912 г. — 1 617 пудов 2 фунта [Алепко, с. 81–82].

В целом изображение китайцев в романе «Амурские волки» характеризуется двумя особенностями. Во-первых, образы китайцев не индивидуализированы, это всегда коллективный портрет, так сказать, «роль без слов». Казалось бы, сама многонаселенность китайского социума побуждает к такому способу портретирования — но дело в другом. В изображении авторов «Амурских волков» эта масса — бесправна. Если иметь в виду социологическую ценность романа, то это довольно любопытная особенность восприятия китайцев тогдашними амурчанами.

Как же вписываются в построенную нами схему «чужой как компаньон» / «чужой как враг» официальные лозунги, которые формулировались совершенно определенно, внедрялись в массовое сознание («Русский с китайцем — братья навек!»)? В рамках предложенных нами оппозиций этот лозунг смещает статус китайца от «однозначно чужого» к «своему». Однако, судя по имеющимся материалам, в советской приамурской литературе такой аспект отношений практически не получил художественного воплощения, вероятно, в силу изначальной умозрительности.

Характерный пример — небольшая поэма А. Симакова «Граница» (1982), описывающая события в Китае времен председателя Мао в подчеркнуто критическом ключе: «С молоком матери китайцы впитывают одну-единственную истину: не китаец — смертельный враг! Самый сильный художественный образ поэмы — китайские мальчики, играющие в войну» [Назарова, с. 342]. Дружеские

отношения между Китаем и Россией — здесь исключительно предмет воспоминаний, а не текущая реальность.

Таким образом, анализ рецепции одной весьма колоритной темы позволяет сделать любопытные выводы как о социокультурной жизни Приамурья конца XIX — начала XX в. в целом, так и об особенностях устройства ее литературной жизни. Последовательной литературной трактовки образа китайца в приамурской литературе нет. «Неустанно следить за соседом», как это советовал сто лет назад полевой исследователь «китайского вопроса» В. Кондратьев, не стало задачей местной литературы — и дело здесь не в социально-политической тенденциозности вопроса. Социальный заказ на тему был, но не нашлось исполнителя.

Дело в устройстве самой амурской литературы, а именно — в ее разреженности, атомарности. Это отмечают и самые внимательные исследователи местной культурной жизни. Отмечая, что хотя литературная жизнь Приамурья «не была чужеродным явлением в общероссийском литературном контексте», исследователь называет «объективные причины, помешавшие более быстрому развитию литературы Приамурья: малонаселенность края, удаленность его от крупнейших культурных центров страны, отсутствие на берегах Амура профессиональной критики, недостаток специальных периодических изданий» [Урманов, 2013в, с. 7], т. е. всего того, что и создает литературный процесс.

Другими словами, слежения за «соседом» не велось потому, что художественная оптика была расфокусирована. Между тем, в рассматриваемый исторический период между локальными российской и китайской цивилизациями шли процессы активного социокультурного взаимодействия. Развивавшиеся торгово-экономические связи, контакты на уровне «народной дипломатии», происходившие на исключительно близких друг другу порубежных территориях, способствовали накоплению информации о соседе. Иными словами, согласно предложенной Н. А. Самойловым [2014] классификации стадий социокультурного взаимодействия, отношения русского и китайского населения здесь находились на стадии идентификации. При этом, на наш взгляд, именно тесное геополитическое соприкосновение, с одной стороны, обусловило формирование в Приамурье транскультурного пространства взаимодействия, с характерными историко-географическими образами и трендами, а с другой стороны, уровень общественно-экономического развития и окраинность территории привели к формированию означенной дихотомии «свой — чужой», к своеобразному «осторожному» восприятию ближайшего приграничного соседа.

Источники

Амурские волки: коллективный роман из жизни Приамурья. Благовещенск : Приамурье, 1996.

Исследования

Аленко А. В. Китайцы в Амурской тайге (отходничество в золотопромышленности Приамурья в конце XIX — начале XX в.) // Россия и АТР. 1996. № 1. С. 79–86.

Башкуева Е. Ю. Китайские мигранты в Забайкальской области: 1860–1917 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2004.

Беляева Н. А. Из истории Владивостокской таможни: становление. 1899–1914 гг. // Изв. Рос. гос. ист. архива Дальнего Востока. 2000. Т. 5. С. 148–158.

Залесская О. В. Китайские мигранты на Дальнем Востоке России (1917–1938 гг.). Владивосток : Дальнаука, 2009.

Залесская О. В. Правовой статус «зазейских маньчжур» до и после военных событий 1900 г. в Приамурье // Сибирь в войнах начала XX века : материалы 2-го Сибирского исторического форума (Красноярск, 3–6 декабря 2013 г.) / ред. В. Г. Дацышен. Красноярск : Резонанс, 2013. С. 73–77.

Калюжная Н. М. Восстание ихэтуаней (1898–1901). М. : Наука, 1978.

Назарова И. С. Александр Симаков // Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XX веков / сост., ред., вступ. ст. А. В. Урманова. Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2013. С. 340–343.

Петров А. И. История китайцев в России. 1856–1917 годы. СПб. : Береста, 2003.

Самойлов Н. А. Россия и Китай в XVII — начале XX века: тенденции, формы и стадии социокультурного взаимодействия. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2014.

Сергеева Г. П. Китайский аспект в период становления городской культуры Дальнего Востока // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Вып. 4 : Этнические контакты / ред. А. П. Забияко. Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2001. С. 37–41.

Урманов А. В. Роман «Амурские волки» как литературный феномен: Постановка проблемы // Лосевские чтения — 2011 : материалы регион. науч.-практ. конф. / под ред. А. В. Урманова. Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2011. С. 3–22.

Урманов А. В. Александр Кирхнер // Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XX веков / сост., ред., вступ. ст. А. В. Урманова. Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2013а. С. 180–181.

Урманов А. В. Владимир Кондратьев // Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XX веков / сост., ред., вступ. ст. А. В. Урманова. Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2013б. С. 199–200.

Урманов А. В. От редактора // Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XX веков / сост., ред., вступ. ст. А. В. Урманова. Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2013в. С. 7.

References

Alepko, A. V. (1996). Kitaitsy v Amurskoi taige (otkhodnichestvo v zolotopromyshlennosti Priamur'ia v kontse XIX — nachale XX v.) [The Chinese in the Amur Taiga (the Seasonal Work of Gold Mining in the Amur Region in the Late 19th — Early 20th Centuries)]. *Russia and ATR*, 1, 79–86. (In Russian)

Bashkueva, E. Yu. (2004). *Kitaiskie migranty v Zabaikal'skoi oblasti: 1860–1917 gg.* [Chinese Migrants in the Baikal Region: 1860–1917] (doctoral dissertation). Ulan-Ude University, Ulan-Ude. (In Russian)

Belyaeva, N. A. (2000). Iz istorii Vladivostokskoi tamozhni: stanovlenie. 1899–1914 gg. [From the History of the Vladivostok Customs: Formation. 1899–1914]. *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo istoricheskogo arkhiva Dal'nego Vostoka*, 5, 148–158. (In Russian)

Kalyuzhnaia, N. M. (1978). *Vosstanie ikhetuaney* (1898–1901) [The Boxer Rebellion (1898–1901)]. Moscow: Nauka. (In Russian)

Nazarova, I. S. (2013). Aleksandr Simakov. In A. V. Urmanov (Ed.), *Entsiklopediia literaturnoi zhizni Priamur'ia XIX–XX vekov* [Encyclopaedia of the Literary Life of the Amur Region of the 19th–20th Centuries] (pp. 340–343). Blagoveshchensk: BGPU Press. (In Russian)

Petrov, A. I. (2003). *Istoriia kitaitsev v Rossii. 1856–1917 gody* [The History of the Chinese in Russia. 1856–1917]. St Petersburg: Beresta. (In Russian)

Samoilov, N. A. (2014). Rossiia i Kitai v XVII — nachale XX veka: tendentsii, formy i stadii sotsiokul'turnogo vzaimodeistviia [Russia and China between the 17th and Early 20th Centuries: Trends, Forms, and Stages of Sociocultural Interaction]. St Petersburg: St Petersburg University Press. (In Russian)

Sergeeva, G. P. (2001). Kitaiskii aspekt v period stanovleniia gorodskoi kul'tury Dal'nego Vostoka [The Chinese Aspect in the Formation of the Urban Culture of the Far East]. In V. G. Datsishen (Ed.), *Istoricheskii opyt osvoeniia Dal'nego Vostoka* [The Historical Experience of Development of the Far East] (Vol. 4: *Etnicheskie kontakty* [Ethnic Contacts], pp. 37–41). Blagoveshchensk: AmGU Press. (In Russian)

Urmanov, A. V. (2011). Roman “Amurskie volki” kak literaturnyi fenomen: Postanovka problemy [The *The Amur Wolves* Novel as a Literary Phenomenon: Articulation of the Issue]. In A. V. Urmanov (Ed.), *Losevskie chteniia — 2011: materialy regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Losev Readings — 2011: Materials of a Regional Scholarly Practical Conference] (pp. 3–22). Blagoveshchensk: BGPU Press. (In Russian)

Urmanov, A. V. (2013a). Aleksandr Kirkhner. In A. V. Urmanov (Ed.), *Entsiklopediia literaturnoi zhizni Priamur'ia XIX–XX vekov* [Encyclopaedia of the Literary Life of the Amur Region of the 19th–20th Centuries] (pp. 180–181). Blagoveshchensk: BGPU Press. (In Russian)

Urmanov, A. V. (2013b). Vladimir Kondratyev. In A. V. Urmanov (Ed.), *Entsiklopediia literaturnoi zhizni Priamur'ia XIX–XX vekov* [Encyclopaedia of the Literary Life of the Amur Region of the 19th–20th Centuries] (pp. 199–200). Blagoveshchensk: BGPU Press. (In Russian)

Urmanov, A. V. (2013c). Ot redaktora. In A. V. Urmanov (Ed.), *Entsiklopediia literaturnoi zhizni Priamur'ia XIX–XX vekov* [Encyclopaedia of the Literary Life of the Amur Region of the 19th–20th Centuries] (p. 7). Blagoveshchensk: BGPU Press. (In Russian)

Zalesskaya, O. V. (2009). *Kitaiskie migranty na Dal'nem Vostoke Rossii (1917–1938 gg.)* [Chinese Migrants in the Far East of Russia (1917–1938)]. Vladivostok: Dal'nauka. (In Russian)

Zalesskaya, O. V. (2013). Pravovoi status “zazeiskikh man'chzhur” do i posle voennykh sobytii 1900 g. v Priamur'e [The Legal Status of the Trans-Zeya Manchu before and after the War Events of 1900 in the Amur Region]. In A. P. Zabiako (Ed.), *Sibir' v voynakh nachala XX veka: materialy 2-go Sibirskogo istoricheskogo foruma* [Siberia in the Wars of the Early 20th Century: Articles of the 2nd Siberian Historical Forum] (pp. 73–77). Krasnoyarsk: Resonans. (In Russian)

Залесская Ольга Владимировна

доктор исторических наук, декан
международного факультета,
профессор кафедры романо-германских
и восточных языков
Благовещенский государственный
педагогический университет
675000, Амурская область, Благовещенск,
ул. Ленина, 104
E-mail: olgazalesskaya@gmail.com

Zalesskaya, Olga Vladimirovna

Dr. Hab. (History),
Head of International Faculty,
Professor, Chair of Romance, Germanic,
and Oriental Languages
Blagoveshchensk State Pedagogical
University
104, Lenin Str., 675000 Blagoveshchensk,
Russia
Email: olgazalesskaya@gmail.com

Оробий Алёна Владимировна

кандидат филологических наук, доцент
кафедры филологического образования
Благовещенского государственного
педагогического университета
Благовещенский государственный
педагогический университет
675000, Амурская область, Благовещенск,
ул. Ленина, 104
E-mail: a.orobiy@gmail.com

Orobiy, Alena Vladimirovna

PhD (Philology), Associate Professor
Chair of Philological Education
Blagoveshchensk State Pedagogical
University
104, Lenin Str.,
675000 Blagoveshchensk, Russia
Email: a.orobiy@gmail.com

Оробий Сергей Павлович

кандидат филологических наук, доцент
кафедры филологического образования
Благовещенский государственный
педагогический университет
675000, Амурская область, Благовещенск,
ул. Ленина, 104
E-mail: s_orobiy@mail.ru

Orobiy, Sergey Pavlovich

PhD (Philology), Associate Professor
Chair of Philological Education
Blagoveshchensk State Pedagogical
University
104, Lenin Str.,
675000 Blagoveshchensk, Russia
Email: s.orobiy@mail.ru